

Толстой такъ настойчиво повторяетъ, не боясь этимъ нарушить цѣльность образа Каратаева, кажется намъ далеко не случайнымъ.

Круглый шаръ, въ которомъ нѣтъ ни выступовъ, ни зазубринъ, гдѣ все замкнуто въ самомъ себѣ, гдѣ нѣтъ ни начала, ни конца—это простѣйшая гармонія, особенно близкая народамъ въ періодѣ младенчества. Поэтому-то древне-греческіе астрономы, желая выразить, воплотить во внѣшнемъ образѣ, простую и величавую гармонію вселенной, представляли ее себѣ въ видѣ системы круглыхъ прозрачныхъ шаровъ. Это же представленіе о гармоніи, какъ объ округлости, думается намъ жило и въ Демокритѣ, когда онъ говорилъ объ атомахъ души, какъ о круглыхъ, гладкихъ, маленькихъ тѣлахъ.

Надо только немножко всмотрѣться въ круглаго Каратаева, чтобы увидѣть, что онъ весь живетъ этимъ стремленіемъ къ гармоніи: „въ его, Каратаева, рѣчи событія самыя простыя, иногда тѣ самыя которыя, не замечая ихъ, видѣлъ Пьеръ, получали характеръ торжественнаго благообразія“. Какъ шаръ не можетъ быть перевернутъ, такъ и Каратаевъ ни при какихъ условіяхъ не могъ быть поставленъ вверхъ ногами, на службѣ, и въ плѣну у французовъ, онъ оставался вѣренъ своему русскому, народному, первобытно-цѣльному складу: „Во всемъ онъ одинаково искалъ благообразія и поэтому ко всему одинаково любовно относился: „онъ любилъ свою шавку, любилъ товарищей, французовъ, любилъ Пьера, который былъ его сосѣдом“¹⁾ Онъ такъ же коллективенъ, какъ и бытъ, создавшій его: „жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла, какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ“²⁾.

Все, что индивидуально въ человѣкѣ—мысль, умъ, привязанности, склонности—Каратаеву было чуждо. Онъ мыслилъ умомъ народа, за него думали его далекіе предки, и если иногда „онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что „онъ говорилъ прежде“, то „и то, и другое было справедливо“, потому что не въ немъ жило это противорѣчіе, а въ томъ цѣломъ, къ которому онъ принадлежалъ. Вся рѣчь его была усѣяна поговорками, которыя онъ только „кстати“ примѣнялъ,—Каратаевъ даже въ своихъ языкѣ и мысли только „частица цѣлаго“. „Привязанностей, дружбы, любви, какъ понималъ ихъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ“, и любовь къ всѣмъ и всему заступало ихъ

¹⁾ „В. и М.“ т. IV стр. 63.

²⁾ Ibid т. IV стр. 64.